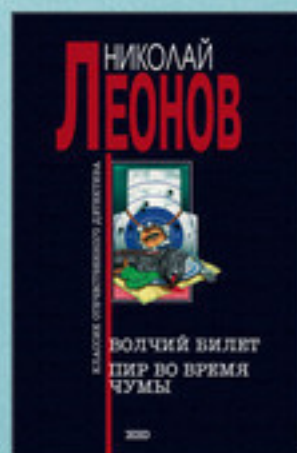

Николай Леонов

Волчий билет

*Часть сборника
Волчий билет. Пир во время
чумы (сборник)*

Гуров

Николай Леонов

Волчий билет

«ЭКСМО»

Леонов Н. И.

Волчий билет / Н. И. Леонов — «Эксмо», — (Гуров)

Подгонять решение под готовый ответ – не в характере Гурова. Если случилось самоубийство, а его выдают за убийство, да еще обвиняют в этом невинного человека, – значит, это кому-то выгодно. Кому же? – выясняет Гуров, полагая, что надо искать причину. А причина, как часто бывает, – большие деньги. И охотник за деньгами оказывается совсем рядом – в родном министерстве, причем он из тех, с кем вступать в поединок смертельно опасно. И теперь Гурову следует подумать, как сберечь собственную голову.

© Леонов Н. И.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Леонов

Волчий билет

Пролог

Александра Матвеевна поднялась, как обычно, рано. В молодости она спала, пока мать не разбудит, могла проваляться в кровати и до одиннадцати. Да когда это было! Мамы давно не стало, сама она давно на пенсии, как говорится, спи – не хочу, а просыпаться стала не позже семи. Поворочавшись недолго, садилась на постели, искала худыми ногами тапочки, словно было куда старухе спешить. Спешить совершенно некуда, но она поднималась, знала: лежать нельзя – голова разболится, тогда и совсем не встанешь.

Жизнь пенсионерки была расписана почти по минутам, словно у бойца срочной службы. Летом – а за окном стоял июль – в шесть она уже слезала с кровати, два-три раза нагибалась, порой даже приседала, потому что всю жизнь занималась спортом, сдавалась медленно, но верно. С возрастом не поспоришь, скоро восемьдесят, для своих годов Александра Матвеевна держалась молодцом, почти не сутулилась, ходила без палочки, довольно бодро.

Накинув халат и туго подпоясавшись, она взяла со стола чайник, привычно взглянула в окно – сегодня дождя не предвиделось. Она уже шагнула было к двери, но остановилась: что-то в окне было не так, не обычно.

Александра Матвеевна поставила чайник на стол, взяла с тумбочки очки, подошла к подоконнику, посмотрела на роскошный дом напротив, его построили совсем недавно, каких-нибудь десять-двенадцать лет назад. Дом, понятно, стоял на своем месте. Она поправила очки, раздумывая, что же все-таки привлекло ее внимание, что настораживало? Женщина даже потерла очки, вновь посмотрела в окно и вдруг увидела, что на самом краю крыши девятиэтажного дома сидят, обнявшись, парень и девушка. Шесть утра, они сидят на крыше и, кажется, целуются.

Александра Матвеевна перевела взгляд на висевшую в углу икону и перекрестилась, а когда вновь повернулась к окну, тонкие темные фигурки, будто сломавшись, летели вниз. Откуда-то слабо доносилась музыка.

Глава 1

Опер-важняк полковник милиции Лев Иванович Гуров мучил себя утренней гимнастикой. Сильный и целеустремленный человек, он всякий раз начинал новую жизнь с понедельника. Сегодня начиналась неделя и очередной этап. Вообще-то Гуров занимался каждый день, но одно дело минут пятнадцать валять дурака и бежать в душ, совершенно другое – заниматься с полной нагрузкой и с гордо поднятой головой и чувством выполненного долга шествовать затем в ванную, обронив на ходу в сторону спальни:

– Маша, сегодня я победил!

– У меня законный выходной, перенеси свои подвиги на завтра, – отвечала Мария. – Отправляйся к своим убийцам и не беспокой людей с утра пораньше.

– Зависть портит цвет лица, – ответил Гуров, включая холодный душ. Как мальчишка оглянувшись, добавил теплой воды и издал крик команчей.

Представление было испорчено телефонным звонком.

– Меня нет и не будет до обеда! – крикнула жена.

– Врать грешно! – Гуров накинул махровый халат, прошлепал босиком к телефону, снял трубку, сердито сказал: – Гуров. Креста на тебе нет!

– Надеюсь, что разбудил, – услышал сыщик знакомый голос начальника и друга, генерала Орлова. – Брейся, надевай штаны и галопом, нас ждет начальство.

– Уже горит? – спросил Гуров вслед коротким гудкам отбоя и крикнул: – Маша, я убегаю!

– Так тебе и надо! – ответила жена.

Он побрился, быстро оделся и выскочил на лестничную площадку, зная, что напрасно Петр звонить не станет.

Машину Гуров оставлял в переулке напротив посольства, у входа которого стоял милиционер. Будь ты хоть десять раз полковник и сыщик, машину у тебя угонят запросто и не найдут, как не находят у большинства москвичей. Гуров махнул приветственно рукой постовому, отключил сигнализацию и сел за руль своего «Пежо».

До министерства было десять минут езды, пробки еще не организовались, и Гуров вскоре парковался у белого здания «конторы».

Полковник заскочил в приемную генерала, Верочка махнула на него ручкой, сказала:

– Здравствуйте, вас ждут у Бодрашова.

– Здравствуй, Верочка, цвети дальше. Куда бедному оперу деваться от начальства? То к Президенту беги, то к заместителю министра. И ведь каждый норовит ударить побольнее. Снова неспокойно в королевстве Датском?

– Мне в этот раз не доложили. – Верочка кокетливо улыбнулась. – И не прибедняйтесь, вас ударишь!

– И женщины меня не любят. – Гуров поклонился и вышел.

Он вышагивал длинными коридорами, приветствовал коллег, прикидывал, что еще могло случиться, если Алексей Алексеевич вызвал начальника главка и его, маленького опера? Здесь он, конечно, кокетничал, так как был в розыске человеком не последним.

Генерал-полковник Бодрашов пришел в министерство недавно, ранее, видимо, работал в первом главке КГБ, ФСК и ФСБ, не знаешь, как организацию и называть. В молодости мастер спорта по самбо в тяжелом весе, он имел соответствующую комплекцию, руку пожимал своей лапищей мягко, говорил негромко, умел слушать, а приказывал редко, любил прикинуться незнайкой, видимо, комплексами не обладал, но любой разумный человек не хотел бы заполучить такого врага. К Гурову генерал относился ровно, с легкой иронией, что, видимо, объяснялось бескомпромиссностью сыщика, но не более того. Вообще-то он со всеми держался оди-

наково. Сыщику казалось, что генерал ждет момента, когда полковник перейдет невидимую черту, за которую заступать нельзя, чтобы поставить известного сыщика на место.

Возможно, сыщик все это придумал и генерал не выделял Гурова среди прочих офицеров главка, который он курировал.

Гуров вошел в приемную, секретарь поздоровался, молча указал на двери, и сыщик прошел в кабинет замминистра.

– Здравия желаю, господа генералы! – радостно сказал он. Орлов глянул хитро и кивнул, а хозяин протянул через стол свою мощную длань и спросил:

– Чему радуетесь, Лев Иванович?

За сыщика ответил начальник:

– Они довольны, что здесь мало людей. – Орлов хмыкнул. – У них только вид общительный, по сути Лев Иванович одиночка.

– Петр Николаевич, у меня имеются и другие недостатки, – ответил Гуров. – Явился, готов служить.

Хозяин смерил его взглядом, как бы прикидывая, много ли с полковника можно спросить, сдержанно вздохнул:

– Понимаете, что вас ждет неприятное задание?

– Так точно, господин генерал-полковник, за годы службы я не получил ни одного приятного задания. Можно сказать, привык, – ответил Гуров, встал за спиной Орлова, прислонился к подоконнику.

– Сядь, не в гостях, – буркнул Орлов.

– Взгляните. – Бодрашов протянул фотографию.

Гуров посмотрел на фото, где были сняты девушка и парень. Они лежали в луже крови.

– Как я понимаю, ребята упали со значительной высоты. – Гуров положил снимок на угол стола.

– С крыши девятиэтажного дома, – уточнил генерал-полковник.

– Правительственного, – уточнил Гуров.

– Вы уже в курсе? – спросил Бодрашов.

– Впервые слышу, Алексей Алексеевич.

– Тогда почему правительственного? – спросил генерал.

Гуров поскущел лицом, покосился на Орлова и нехотя ответил:

– Когда падают с обыкновенного, заместитель министра не вызывает на ковер начальника главка и меня, грешного.

Бодрашов провел ладонью по шее, хмыкнул.

– Парень – Антон Сергеев, сын Платона Викторовича...

Гуров не знал, кто это, но изобразил понимание.

– Следует знать, – буркнул Бодрашов. – Займитесь данным вопросом, к вечеру прошу доложить. Петр Николаевич вам ситуацию разъяснит. Я вас, Лев Иванович, пригласил к себе, чтобы вы сразу уяснили, какое на нас окажут давление. Разговаривая с прессой, постарайтесь быть благоразумнее и осторожнее. – Бодрашов поднялся, пожал Орлову руку, на Гурова взглянул неодобрительно. – Свободны, буду ждать. На место выезжал ваш друг, следователь прокуратуры Гойда, материалы заберите в МУРе.

– Слушаюсь. – Гуров вытянулся, открыл двери, пропустил вперед Орлова, оказавшись в приемной, закончил: – Не большие баре, привезут.

– Наверняка уже у меня в приемной толкнутся, – бурчал Орлов, быстро выкатываясь в коридор. – А ты хорош, не знаешь, как зовут одного из богатейших людей России, приятельствующего с нашими силовыми министрами.

– Я знаю, как зовут моего начальника, моих подчиненных и Президента, – зло ответил Гуров. – Почему ты не желаешь защитить меня от подобных дел?

– А зачем мне друг, если я не могу за него спрятаться? – Орлов шел очень быстро, и Гуров некоторые слова слышал, о других догадывался.

В приемной Орлова сидели двое мужчин в штатском, походили на двоечников, ожидавших директора школы.

Гуров обоих знал – замнач МУРа полковник Зайцев и начальник первого отдела полковник Ведин, – пожал им руки. Орлов кивнул, пролетел в кабинет, начал срывать ненавистный мундир.

Гуров подтолкнул приятелей и коллег, вошел, закрыл за собой дверь и выругался:

– Мать вашу, когда кончится этот бардак?

– Заткнись, Лева! – гаркнул Орлов. – Знаешь, кто звонил Бодрашову, пока тебя не было?

– И знать не желаю! Позвоночное право! Небожители звонками оживили ребят? Я полагал, генерал-полковник покрепче будет.

– Креста на тебе нет, мальчишка. Твое имя назвал кто-то наверху, Алексей Алексеевич тебя знает, пытался отбить. Но там знаешь что сказали? – Орлов взглянул испытующе. – Мол, известно, Гуров не берет! Мы желаем беспристрастного расследования. Ты понимаешь, что это означает? – Генерал указал на муровцев. – Они берут, я тоже беру, а ты весь в белом! Воспитал на свою шею!

Гуров подмигнул коллегам-оперативникам и спокойно сказал:

– Петр Николаевич, не будем переходить на личности. Я ведь и существа дела не знаю. Давайте обсудим ситуацию, решим, что и как. Могу заниматься я, можно поручить Ведину, опер опытный. Начальству без разницы, кто пашет, важно, чтобы борозда ровно легла. Евгений, будь другом, объясни суть, – обратился Гуров к начальнику отдела.

Ведин взглянул вопросительно на генерала, который наконец снял мундир, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, махнул короткопалой рукой.

– Обычным порядком, позвонили дежурному по отделению, у дома, где живут боги, лежат два трупа. Лейтенант струхнул, позвонил в город. Дежурный выслал бригаду, поднял меня. Парень и девушка разбились вдребезги, то ли из окна выпали, то ли с крыши свалились. В дом не пускают, не то что в квартиру. С улицы открытых окон не видно. Гулянки никакой не было, тишина. Дом, как вы знаете, в самом центре, кругом посольства, наши друзья-соратники, у каждого начальственный бас. Машины подъезжают, у каждого документы – пальцем не тронь. Я ребятам сказал, мол, гоните всех, место огородите, пусть врач и фотограф работают. Какой-то тип – от него со вчерашнего несет – с ног сбивает, вопит: «Убийство!» Сами знаете, толпе много не надо, один крикнул, другие подхватили. – Ведин замолчал, перевел дух. – Из подъезда мужик вышел, оказалось, сам Сергеев, а груда костей на асфальте – его сын Антон, девчонка – подружка сына.

С магнатом четверо лбов, из наших, только обкормились, у других тоже охрана, чуть до драки не дошло, я и крикнул: «По машинам, или буду стрелять!» – Полковник взглянул на Орлова, добавил: – Ствол не обнажал. Здесь и Олег Васильевич, – он кивнул на замначальника МУРа, – подъехал. Трупы увезли, начали разъезжаться. Олег Васильевич отца в дом увел, я с двумя операми у кровавой лужи стоял.

Гуров столько раз оказывался в подобном положении, так все видел и чувствовал, что закурил без разрешения, отошел к форточке.

– А прокуратура? – спросил Орлов.

– Виноват. Следователь вместе со мной появился. Где-то ящик пустой раздобыл, сел, папку на колени, молча пишет, словно один в лесу сидит.

– Игорь Гойда, – сказал Гуров.

– Во-во, – обрадовался Ведин. – Он с врачом пошептался, сказал: «До вскрытия» – и уехал.

– Ну, давай. – Орлов взял у оперативника тоненькую папочку, небрежно перелистал странички, отложил. – На крышу лазили?

– Так точно. Но я там топтаться не разрешил, ботинки снял, сам кругом прошел. У самого края магнитофон стоял, уже не играл, кассета кончилась.

Заместитель начальника МУРа открыл портфель, вынул небольшой магнитофон «Сони», поставил на стол, спросил:

– Разрешите, Петр Николаевич?

– Олег, у нас не принято расшаркиваться, – ответил Орлов. – Мы все оперативники и одной бедой повязаны. Оставь субординацию, излагай суть дела.

– Криминалисты крышу осмотрели, какие-то следы изъяли, сфотографировали; по их мнению, на крыше, кроме ребят, никого не было. За малым исключением. Имеется след ботинка с остатками мазута на подошве. Снимки, соскобы сданы на анализ.

– Чужой след далеко от места, где стоял магнитофон? – спросил Гуров.

– Около двадцати метров, – ответил Зайцев. – Рядом с местом, где сидели молодые, следы третьего лица не обнаружены. – Зайцев пожал плечами. – Словно они сами прыгнули.

– Евгений, – Гуров кивнул на Ведину, – разулся, шаги заглушал магнитофон.

– Коллеги, давайте раньше времени не гадать, – вмешался Орлов. – Подождем вскрытия, наличие в крови алкоголя и наркотиков. Просто так в пять утра на крышу не лазают. Что-то ребята вело, романтика, любовь... Гуров выяснит.

Звякнул телефон, генерал снял трубку.

– Орлов... Здравствуйте... Очень приятно. – Генерал долго слушал, изредка поглядывал на Гурова. – Каких результатов, господин депутат, вы ждете? – Он снова замолчал, положил трубку на стол, подпер ладонями подбородок. Из трубки доносилась невнятная речь. Орлов взял трубку, спросил: – Вы куда звоните? Верно. А вам нужно обратиться к психоаналитику. Спасибо за звонок, – и положил трубку на аппарат. – Господин депутат рассчитывает, что преступник уже задержан. Заодно он мне рассказал, что у него на даче отравили собаку. Так? – Генерал почесал в затылке. – Спасибо, ребята, желаю удачи. Если Гурову понадобятся люди, он к вам обратится.

Оперативники МУРа встали, на их лицах читалось облегчение.

– До свидания, господин генерал-лейтенант, – хором произнесли они, кивнули Гурову и вышли из кабинета.

Тут же появился Крячко.

– Здравия желаю, господа-товарищи. – Станислав оценил атмосферу как послегрозovou, разрешил себе пошутить: – Я уже знаю, что влюбленная парочка свалилась с крыши, убились.

– Станислав, наглецов следует учить, – сказал Орлов. – Если бы я мог отменить приказ замминистра, то дело поручил бы вести тебе.

– Я больше не буду, – Станислав посерьезнел. – Ну извините, хотел как лучше, получилось как всегда.

Полковник Станислав Крячко, друг и подчиненный Гурова, опытный разыскник и штатный весельчак управления, сорокалетний крепыш с обманчиво простодушной физиономией, имел в кабинете генерала персональный стул, который и занял без разрешения.

– Напрасно сел, – сказал Орлов, – забирай своего начальника и дело, отправляйтесь к себе, думайте, в девятнадцать на доклад к Бодрашову.

В кабинете Гурова и Крячко прямо против двери находилось окно, возле которого «лбами» упирались друг в друга два письменных стола, в углах кабинета притаились сейфы, у левой стены стоял ничейный стол. Начальство собиралось запихнуть в кабинет троих, но Гуров категорически возразил, и важняки остались вдвоем. Справа от двери стоял фанерный шкаф, где оперативники, в зависимости от сезона, сушили верхнюю одежду. Если судить по

кабинету, не догадаешься, что здесь работают большие начальники, а старший группы, Гуров, так просто зам по розыску у самого господ бога.

Станислав, как единственный ребенок в семье, порой начальника поучал, но потихоньку у него учился, хотя известно, таланту обучиться невозможно.

Гуров рассказывал о происшедшем, Станислав листал страницы «дела», смотрел на него с тоской, когда старший закончил, задумчиво изрек:

– Так быть? Или не быть? Сами они или при чьей-то помощи? Ты имеешь личное мнение?

– Подождем результатов экспертиз. Вызывай Нестеренко и Котова. Необходимо обойти все квартиры в домах напротив, опросить жильцов.

Когда Гурову нужны были оперативники, он не брал их в главке или МУРе, а одалживал у бывшего сослуживца, ныне начальника частного сысканого агентства. Со своей стороны Гуров оказывал ему посильную помощь в выбивании в министерстве необходимой техники. Одним словом, бартер. Оперативников Гуров выбирал долго, придирчиво. Валентин Нестеренко и Григорий Котов помогали Гурову пятый год, четверть века отработали в сыске, были уволены по выслуге, по здоровью, по причинам неизвестным, однако лучше сыщиков Гуров в МУРе не нашел.

Гриша – маленький головастый еврей – и Валентин – высокий жилистый русак, – два друга, два бойца, вели постоянные споры на религиозные темы, хотя в храме ни один из них никогда и не бывал. В сыском деле приходится подолгу ждать, и тема для спора необходима. Об Иисусе Христе спорят две тысячи лет, сыщикам тема спора нравилась.

– Прекрасно, – закончив телефонные переговоры, сказал Станислав. – Григорий с Валентином разыскивают несуществующих свидетелей, чем занимаемся мы с тобой?

– Семьями погибших, студенческими друзьями, одноклассниками... – ответил Гуров. – Пошел к черту, сам прекрасно знаешь, необходимо выяснить, какими были эти ребята, почему в пять утра полезли на крышу?

– У меня на миллионеров аллергия, – сказал Станислав. – Значит, я занимаюсь девушкой, а ты сыночком, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор.

– Захребетник, – констатировал Гуров. – Я бы решил наоборот, но если к их сиятельству явишься ты, то по заднице надают мне. Они имеют много денег и желают сыщика именитого. Они же не ходят к простому зубному врачу и оперируют аппендицит в Швейцарии.

– Неси свое бремя достойно, командир, – усмехнулся Станислав. – Ты выбрал себе в помощники самого Станислава Крячко, а не Ваню Неизвестного.

– Я никого не выбирал. Два десятка лет назад черт с похмелья подсунул мне тебя под локоток. У меня от тебя мозоли и мигрени, – огрызнулся миролюбиво Гуров. – Давай сегодня вечером выпьем, позже встретим у театра Марию, поработаешь на меня. – Гуров сделал какую-то запись, дважды подчеркнул.

– А что я с этого буду иметь? – поинтересовался Станислав.

– Я разрешу тебе нести Машкины цветы и объясняться с ее поклонниками, – ответил Гуров.

– А длинному рыжему врезать можно?

– Чтобы никто не видел.

– Тогда не состоялось, – категорически ответил Станислав. – Втихую никакого кайфа.

– Примем за основу, детали потом, – сказал Гуров.

– А что в девятнадцать будешь докладывать замминистра?

– Он умный мужик и ничего от меня не ждет. Покажу ему план оперативно-разыскных мероприятий, который ты сейчас напишешь. Отметь, что по мере надобности к работе будет привлечена необходимая агентура, – думая неизвестно о чем, сказал Гуров.

– Какая агентура? – чуть ли не ахнул Станислав.

– Никакая. Просто слово значительное. Начальство любит значительные, красивые слова.

– Ты же только что сказал, Алексей Алексеевич мужик умный, – возразил Станислав.

– Безусловно, умный, генерал сразу поймет, данный пункт написан не для него, а для высшего начальства. – Гуров помолчал и добавил: – В этой истории мне очень может помочь Мария. Она прекрасная актриса, в отличие от нас с тобой у нее обостренная интуиция, умение дорисовывать человека по, казалось бы, несуществующим черточкам. Актеры немного похожи на сыщиков, но более эмоциональны. В данном случае это очень важно.

– Ты просто влюблен в свою жену! – сказал Станислав. – Ребят либо спихнули, либо они начали баловаться и сорвались.

– Возможно, возможно, – задумчиво произнес Гуров. – Кончай трепаться, пиши план оперативных мероприятий. Судя по лицу большого генерала, а он парень не нервный, за нашей работой будет наблюдать не одна пара глаз. Что-то, а бумажки у нас должны быть в порядке.

Крячко выложил перед собой стопку бумаги и начал быстро писать. За четверть века он написал планов – собрание сочинений, пора издавать.

– Не забудь учителей, поликлинику, психдиспансер, – заметил Гуров, снял трубку, позвонил в прокуратуру, услышав слегка картавый голос Гойды, сказал: – Привет, Игорь, пристаает к тебе некто Гуров. Я на допрос не ворвался?

– Здорово, сыщик, не сомневался, что трупы повесят на тебя. Отвечаю на твой вопрос: у меня личная точка зрения отсутствует. Ты кассету слушал? – спросил Гойда.

– Грешен, запомню. – Гурову стало стыдно: пленку в магнитофоне следовало прослушать в первую очередь. Но сыщик решил: раз кассета побывала в МУРе, то ее слушали, раз молчат, значит, на ней ничего существенного.

– Фуги Баха. Музыка серьезная, но ничего угрожающего. – Гойда засопел, откашлялся. – Просьба: ты мой телефон депутатам, помощникам и другим чиновникам не давай.

– Так ты не исключаешь, что ребята прыгнули без чужой помощи? – спросил Гуров.

– Исключаю. И тебе советую подобную версию забросить подальше, иначе туда забросят твои погоны, – ответил следователь.

– Напугал ежа голой жопой. У тебя мысли имеются или ты считаешь свою работу законченной? – спросил Гуров. – Ты обязан мной руководить, давать задания.

– Воссоздай психологический портрет. Начинай с детского сада. Дальше говорить? – Следователь хохотнул. – Извини.

– Бог простит. Игорек, поторопи медэкспертизу на алкоголь, наркотик и прочее, – попросил Гуров. – Медики к прокуратуре относятся уважительнее, чем к ментам.

– Сделаю, в мое дело тоже такая бумага необходима. Прокурор уже интересовался.

– Федор Федорович не в курсе, что существуют установленные законом сроки? – спросил Гуров.

– Он в курсе, но на него давят. – Следователь снова вздохнул. – Никакими врачами мы здесь не отделаемся. Ты отпуск отгулял?

– Я без освидетельствования скажу, что ты не в порядке. Звони. – Гуров положил трубку.

– Предложил взять отпуск? – продолжая быстро писать, спросил Станислав.

– С тобой не разговаривают. Пиши. И отдай на машинку или компьютер, нам надо будет сто экземпляров. Подпись ставь мою, не трогай Петра, ему хватит.

Скоро явились Нестеренко и Котов, доложились, заняли ничейный стол, молчали.

– В курсе? – спросил Гуров.

– А то. – Нестеренко дернул себя за длинный хрящеватый нос. – Можно подумать, на Президента покушение. Вот что значит мешок денег.

– Ты как Шура Балаганов, – встрял Станислав, продолжая писать. – Мешок денег тебе папа отдаст, чтобы ты к нему не приставал.

– Хватит трепаться! – Гуров протянул операм заготовленные листочки с данными на погибших. – Кто в дом пойдет?

– Придется мне, – уныло ответил Котов. – Правда, я не шибко хорош собой. В роду у нас был Соломон, а не Калита в лаптях, но с ментовской рожей Валентина еще хуже. Мне нужно только домой заехать, переодеться, побриться.

– Вы сегодня домашних не трогайте, начните с университета и школы, – сказал Гуров. – Мне нужны близкие друзья, закадычные подруги. Хорошо бы разыскать ребят, с которыми Алена и Антон раньше дружили, позже расстались. Вы мальчики большие, понимаете, такие люди сами не высунутся, их могут только другие ребята назвать. Сергеев не с рождения миллионер и не сразу в том доме поселился. Думаю, интереснее прежнее место жительства... – Гуров посмотрел в ореховые мудрые глаза Котова, и ему стало неловко. Установочную работу Котов знал лучше Гурова. – Извини, Григорий. – Гуров улыбнулся. – Власть портит людей, я лишь человек.

– Пустяки, Лев Иванович, мне даже интересно, – ответил серьезно Котов. – Только я уверен, мне следует искать квартиру не предыдущую, а более раннюю. Только бы дом не снесли и не расселили.

– Нам вторая машина нужна, – сказал Нестеренко. – Во-первых, мой «старик» помирает, а главное, если мы вдвоем начнем ездить, так уйма времени уйдет.

– Верно. – Гуров повернулся к сейфу, вынул конверт, протянул Котову. – Езди на частных, ежедневно пиши рапорты о расходах, указывай маршруты.

– Такие бумажки бухгалтерия не примет. – Stanislaw сосредоточенно писал, но, естественно, все слышал.

– Stanislaw, прошу, не вводи в грех, – подчеркнуто ласково сказал Гуров.

– Будешь выплачивать из оклада, вспомнишь, – не унимался Stanislaw. – Иди к Петру, проси машину, сейчас тебе и самолет дадут.

Гуров повысил голос:

– Ну что ты лезешь, когда тебя не спрашивают? Я вчера родился?

– Позавчера. И в бытовых делах абсолютный лопух. Ребята, – Stanislaw взглянул на оперативников, – Лев Иванович не сомневается, что вы сами отлично знаете, с чего следует начинать.

Котов быстро взглянул на смутившегося Гурова и уверенно ответил:

– Естественно. Следует обойти квартиры домов, расположенных напротив их дома, и найти бабушку, которая поднимается спозаранку и дотемна смотрит в окно. Возможно, бабуля видела, как ребята сорвались с карниза и не было ли на крыше кого-то третьего.

– Верно, вам этой работы хватит до завтра, – стараясь не смотреть на Гурова, сказал Stanislaw.

Оперативники вышли, Гуров проводил их взглядом, потер лоб и смущенно улыбнулся.

– Ты большой дипломат, Stanislaw, – сказал он, осуждающе покачивая головой. – Я, видимо, совсем плохой стал, инструктирую, а о главном забыл. Для нас главное – найти свидетеля падения ребят с крыши. А я все о школе, институте, детстве, товарищах, черт-те о чем. Что со мной, не пойму? Позор, да и только.

Stanislaw перестал писать, отложил ручку, взглянул на шефа, как бы прицениваясь.

– Сто лет тебя знаю, привыкнуть не могу, все удивляюсь. – Он скривился в улыбке. – Ты своей прямоотой прямо в лоб бьешь, даже унижаешь. Я только вытянусь, вроде сравняюсь с тобой, а ты шлеп по голове, мол, знай свое место.

– Ты чего, Stanislaw, я тебе благодарен, ты профессионал и деликатный человек, а я олух царя небесного! – изумился Гуров.

– Вот-вот! – Stanislaw покачал головой. – Ты и не понимаешь, что не как все, другой, и оттого выше всех. Инструктируешь, а сам забыл о главном. Как бы любой на твоём месте поступил? Я, к примеру? Улыбнулся бы покровительственно и обронил, мол, проверяю вас, господи сыщики, понимаете ли вы, откуда в любом деле ноги растут? Ничего, не совсем зара-

ботались, иногда думаете. Приятно сознавать, что я не зря на вас время трачу. Нормальная реакция обыкновенного начальника. А ты? Хватаешься за голову, признаешься, что о главном сказать забыл, и ни на секунду не сомневаешься, что авторитет твой от промашки даже не пошатнулся.

– Брось, Станислав, мне стыдно, об авторитете я даже не думал, – признался Гуров.

– Потому как уверен в себе, чужое мнение для тебя... – Станислав вздохнул. – Ты сам себя оцениваешь и судишь.

– Ты прав, Станислав, – Гуров кивнул. – Хотя и слегка недопонимаешь, что я свой горб тащу, порой тяжело мне. И сомневаюсь я в себе, и мнение ваше ценю, и похвала приятна, а если хвалят, так раздражаюсь, останусь один – клянусь себя за то раздражение. Я, друг мой, самый обычный, живой, тщеславный, сильный и слабый. – Он не очень весело рассмеялся. – Я рад, что ты сидишь напротив и прикрываешь меня.

– Даже во сне прикрываю. – Станислав перечитал написанное, сколот страницы, перебросил на стол Гурова. – Взгляни, поправь и отнеси девчонкам, пусть срочно напечатают. Мне сбегать нетрудно, но, если передаст Крячко, бумагу сделают завтра, передаст Гуров – документ изготовят через сорок минут.

– Не прибедряйся. – Гуров был благодарен другу, что он смял излишне откровенный разговор. – Ты у девушек в авторитете.

– Точно, потому и напишут завтра, а тебе бумага нужна к девятнадцати. Не забудь получить резолюцию Петра и отпиши свой разговор с Игорем Гойдой, мол, работаем под руководством прокуратуры.

– А это зачем, разговор и разговор? – удивился Гуров.

– Говорю, отпиши, значит, отпиши. Я пошел в сортир. – Станислав быстро вышел и в коридоре сказал: – Как дитя малое! Ей-богу!

К девятнадцати Нестеренко сообщил, что у них результатов пока нет, оперативники надеются на вечер, когда вернется народ с работы. Гуров, признаться, иного и не ожидал, отправился к Орлову утвердить план оперативных мероприятий.

– Бумага, – сказал Орлов, положил резолюцию, не читая.

– Пошли к Бодрашову. – Гуров уложил документы в папку.

– Иди сам, меня не приглашали, – ответил Орлов. – Розыск ведешь ты, курирует нас генерал-полковник, у меня главк и масса дел.

– Как-то не по-людски. – Гуров не боялся начальства, но при Орлове чувствовал себя увереннее.

– Сказано, иди, – буркнул Орлов. – Чаще повторяй «да», «есть» и «слушаюсь».

– Слушаюсь. – Гуров щелкнул каблуками и вышел.

– Я тебя буду ждать, – сказал вслед Орлов, хотя сыщик генерала уже не слышал.

Дверь приемной была открыта, за столом сидел дежурный офицер, который, увидев Гурова, вскочил и почему-то весело сказал:

– Здравствуйте, Лев Иванович, вас уже ждут.

– Здравствуйте, капитан, – ответил Гуров. – Таким тоном приглашают к накрытому столу.

– Приятно видеть...

– Спасибо, – перебил Гуров и прошел в тяжелые двери.

Хозяин сидел без мундира, с приспущенным галстуком, махнул сыщику рукой, продолжая писать, сказал:

– Располагайтесь, знаю, вы сидеть не любите, чувствуйте себя свободно, можете курить. – Его красивое тяжелое лицо поблескивало от пота. – Все! – Он захлопнул папку, положил в сейф. – Минуточку, полковник, – и скрылся за портьерой.

Вскоре генерал вышел, сыщик понял, что он умылся: в кабинете пахло отличным одеколоном.

– Результатов, надо понимать, пока ждать не приходится. – Генерал взял у Гурова папку, прошелся по кабинету, листая на ходу. – Все планы составляются под копирку. Я в оперативных делах профан. – Генерал поднял голову, встретился с сыщиком взглядом, заметил в его глазах смешинку, скупно улыбнулся.

Они мгновенно обменялись информацией: «Я знаю, ты мне не веришь, и знаешь, что я это знаю, но таковы правила игры».

– План не роман, конечно, пишем одно и то же, – ответил Гуров. – По любому делу необходимо выполнить сумму определенных действий, возможны варианты. Названия и действия одинаковые, исполнения разные. Оценка полученной информации – момент решающий.

– В этом моменте вы и сильны, – сказал генерал, бросил папку на стол. – Оставляю, могут поинтересоваться. Для постороннего написано солидно и красиво. Особенно умиляет упоминание агентуры. К кому и кого вы собираетесь подводить? Или станете вербовать в среде? Шучу.

– Разговор матерого опера, – ответил Гуров. – А вербовка в среде вполне возможна. Это как карта ляжет. Только я формально и официально вербую лишь пустышку для галочки. А с нужным человеком надо сблизиться, доверительно поговорить, телефончик свой оставить.

– Тут вы специалист. Ваши первые шаги? Естественно, свидетели падения?

– Естественно. Ищем, как обычно, свидетеля падения ребят с крыши, момент наиглавнейший.

– Если вы рассчитываете найти человека, который видел, что в момент падения третьего на крыше не было, и вам разрешат закрыть дело, списать на несчастный случай, – генерал вздохнул, – вы глубоко заблуждаетесь, уважаемый. Народ требует найти убийцу.

– Им бы Ежова или Берию в начальники, в момент бы разыскали, – сказал Гуров. – Вышинский бы захлебнулся от восторга.

– Вы убеждены в несчастном случае? – В голосе генерала слышалось недовольство.

– Я ни в чем не убежден, даже ничего не предполагаю, – ответил Гуров. – Таков мой принцип работы. Мы только начали собирать, точнее, разыскивать факты.

– И долго намереваетесь разыскивать? – Генерал сел в кресло.

– Зависит от везения и господ бога. Но меня нельзя запугать и бессмысленно шантажировать, господин генерал-полковник. – Гуров достал сигареты и закурил.

– Наглость у вас наследственная или приобретенная? – поинтересовался генерал.

Гуров увидел глаза замминистра и неожиданно понял, что его элементарно испытывают на прочность. Генерал хочет знать, как далеко пойдет разыскник, какой прессинг выдержит? Гуров почувствовал, что бывший борец, ныне большой начальник, не противник, а союзник.

– Полагаю, наглость у меня врожденная и десятилетиями вытренированная, – ответил Гуров.

– Хороший сплав, друга ради принципов похороните.

– Принципы – понятие отвлеченное, – ответил Гуров.

– Честь, жизнь – очень конкретны.

– Глупости, Алексей Алексеевич. – Гуров открыто улыбнулся. – Смотря чья честь и чья жизнь.

– Повторяю, народ желает узнать, кто конкретно убил невинных детей, – генерал слегка повысил голос.

– Народ желает получить зарплату и выпить стакан водки. А если господин Сергеев со товарищи желают скандала, они его получают. А преступник либо существует, либо нет. Если он существует, то мы его установим. И очень возможно, что господин Сергеев подбросит мне пару миллионов долларов, чтобы я имя преступника быстренько забыл.

Грозное лицо генерала просветлело, он обаятельно улыбнулся, посмотрел заинтересованно.

– Неужели вы сегодня, не располагая никакими фактами, можете предположить, кто убийца? – На лице генерала появился совершенно детский интерес.

– Я могу с некоторой долей вероятности назвать имя заказчика, – ответил Гуров. – Только договоримся раз и навсегда, Алексей Алексеевич, вам я докладываю только доказанные факты. Мои предположения являются моей личной собственностью, которой я никогда не делюсь ни с начальником, ни с другом, ни с любимой женой.

– У вас удивительно красивая жена, полковник.

– Ходят такие слухи, генерал, – ответил Гуров, решив, что если начальник опускает слово «господин», то умышленно и не желая унижить, а, напротив, призывая к сближению.

– Какие слухи, сам видел, и неоднократно. Лев Иванович, между нами, красивая жена – это хорошо или не очень?

– Если красивая и любимая, так врагу не пожелаю. Конечно, можно привыкнуть. Ведь тигр красавец, а его чуть ли не за хвост дергают. Я с Марией всегда настороже, живу, случается, даже счастливо. – Гуров окинул генерал-полковника оценивающим взглядом. – Вы Сергеева видели? Он сына любил или на его смерти желает заработать дивиденды?

– Кабы я знал. – Бодрашов пожал широкими плечами. – Работайте, Лев Иванович, вы человек умный и удачливый.

– Извините, забыл, господин генерал-полковник, группе необходима машина. Есть свой транспорт, но одной машины не хватает.

Видимо, генерал нажал кнопку вызова, так как дверь распахнулась, вошел дежурный офицер.

– Василий Петрович, распорядись, чтобы с завтрашнего дня за группой Льва Ивановича закрепили машину. Переговори с начальником гаража, узнай, что требуется – письмо, телефонограмма, распоряжение черта? Но чтобы машина была. Понял?

– Будет сделано, господин генерал-полковник, – ответил дежурный и исчез.

Нестеренко и Котов стояли у подъезда многоквартирного дома, на противоположной стороне улицы вдоль тротуара тянулся невысокий, в рост человека, зеленый металлический забор, далее газон, небольшая стоянка для машин. И, наконец, дом, сложенный из светлого кирпича, большие сверкающие окна, лоджии не иссечены веревками, на которых полагается сохнуть белью. Лифчиков и трусиков нет, хорошо, но ведь и ни одного цветка не видно. За зеркальными окнами кое-где светлые занавесочки, в некоторых – массивные шторы. Красивый дом, солидный и молчаливый, будто неживой. Но на воротах парень с кобурой на боку и ленивыми глазами. Он давно заметил оперативников, наблюдает, хотя и догадывается, глаз-то наметанный.

– Квартирки здесь, думаю, подходящие, – задрал голову, сказал Нестеренко. – Шестой этаж нестандартный, потолки выше, окна выдаются. Они даже среди своих иерархию устанавливают.

Котов листал блокнот, делал пометки.

– Многие на даче живут, иные в отпусках, – рассуждал он. – Оправдаться всегда можно, только факт остается фактом: почти половину нужных людей мы не повидали. Лев Иванович нас не поймет, а Станислав скажет слова недобрые.

– Если людей нет, где их взять? – философски спросил Нестеренко. – Да и кто в шесть утра в окно смотрит?

– Славянская у тебя душа, Валентин, широкая и спокойная. И работаешь ты как истый комсомолец. Честно, но от сих и до сих.

– Твой Христос чему учит? – беззлобно ответил Нестеренко. – Возлюби ближнего... А ты меня целый день грызешь, словно у меня нужный свидетель есть, да я его прячу. Правильно

вас, евреев, не любят, беспокойный народ. Не был бы ты отличным мужиком и хорошим напарником, послал бы я тебя. Долго мы еще тут будем топтаться? Вон отставник уже второй раз своего вислюхого гулять повел, а я с трех часов не евши.

– Не заработал. – Котов взглянул на часы. – Куда же запропастилась бабка из сорок восьмой квартиры? Соседи говорят, она больше чем на час не уходит. Универсам и обратно.

– Это не она? – Нестеренко был дальнотзорким и увидел худую женщину, которая вышла из подворотни, неторопливо, но уверенно направляясь в их сторону.

Котов прищурился, пробормотал:

– Может случиться, она тут еще не проходила.

– Пока мы по лестницам лазали, тут полк солдат мог пройти, – ответил Нестеренко.

– Сходи к вертухаю, узнай, который час. Нечего бабушку вдвоем пугать.

Нестеренко послушно перешел на другую сторону улицы. Котов отошел от подъезда, когда женщина приблизилась, шагнул навстречу.

– Здравствуйте, – вежливо сказал он и поклонился.

– Здравствуй, сынок, – ответила женщина.

– Александра Матвеевна? – спросил Котов.

– Она самая. Только не говорите, что вы из ЖЭКа. Вы из милиции.

Котов открыл перед ней дверь, ответил смущенно:

– Александра Матвеевна, не от хорошей жизни к вам пристаю. Знаете, в доме напротив несчастье произошло, разобраться следует, – пустил пробный шар Котов, открывая дверь лифта.

– Ужас! Видела! А делом вы нужным занимаетесь и вежливый, говорите приятно. – Брикова достала из сумки ключи, отперла дверь.

Котов тщательно вытер ноги, прошел за хозяйкой в большую светлую комнату, огляделся, подошел к окну, дом «слуг народа» гордо возвышался напротив, но был на три этажа выше. Опер сразу отметил, что около окна стояло кресло с гнутой спинкой, видно, лет ему было примерно столько, сколько и хозяйке. На широком подоконнике лежала открытая книга, очки и театральный бинокль.

Хозяйка заметила интерес милиционера, молодо рассмеялась.

– Мой наблюдательный пункт, – поспешно добавила. – Вы не думайте, что я больно любопытная, только день сейчас длинный, читать устаю, так за людьми наблюдаю, интересно. Я сейчас вас чаем угошу, варенье у меня – просто объедение.

– Спасибо, Александра Матвеевна, чаю выпью с удовольствием, а варенье – увольте, нельзя мне сладкое. – Котов подумал: пенсионерка, лишнего иметь не может. Он оглядел комнату, отметил множество фотографий, чистоту, свежий воздух и невидимый достаток. Обстановка старинная, но крепкая, видимо, реставрированная, потолок побелен, обои свежие.

Хозяйка была наблюдательна и любопытство гостя заметила.

– Повезло мне, сын старший в министерстве служит. Начальник. Деньгами помогает, недавно меня к себе на дачу отвез, ремонт сделал.

Котов знал: перебивать хозяйку не следует, одна живет, у нее потребность поговорить.

– У сына большая семья? – спросил он.

– Семья! – Хозяйка махнула рукой. – Слезы. Не будем об этом, да и вам недосуг, у вас свои дела, вас же эти несчастные интересуют. Я почему в милицию позвонила? Хотя и видела мало, решила – а может, людям нужно. Но у вас на телефоне такой хам, ужас просто. И не выслушал, говорит мне: мол, гражданочка, у нас каждый день из окон бросаются, оставьте телефон, я к вам человека пришлю. Я рассердилась, думаю, болтает парень, булку прожевать не может. Он, когда разговаривал, жевал.

Чайник вскипел, хозяйка накрыла на стол, чашки были прозрачные, страшно в руку взять, вазочка с вареньем тоже старинная.

Котов пригубил чай, сказал:

– Чай у вас, Александра Матвеевна, отменный. Так в котором часу вы встали?

– Проснулась я сегодня без пяти пять. – Хозяйка указала на большие, висевшие на стене ходики с гирьками. – Я эти часы с рождения помню, они нас переживут. Ну, полежала немного, чувствую, не засну, начала подниматься. Кровать застелила, присела, старыми костями хрустнула, привычка такая с юности – физкультурницей прежде была. Чайник поставила, умылась, то да се, смотрю, уже без пятнадцати шесть. Думаю, сейчас седой в красном костюме побежит, я к окну подошла. В этом доме начальство живет, один седой первым выбегает. Но, видно, рано было, я его не увидела, взгляд подняла, а на крыше парочка сидит, милуется. Я так в кресло и осела. Время-то – шести нет, а они уже на крышу забрались, отчаянные ребяташки, я им крикнуть хотела, да решила, не услышат. Я про чай и забыла, сижу, смотрю, бинокль мамин взяла, он театральный, но все одно видно лучше. Девушка ему голову на плечо положила, а он как бы ее обнимает.

Александра Матвеевна платочком смахнула слезу.

– В глазах стоят, голубки. Тихо сидят, не разговаривают, и музыка откуда-то идет. Я еще подумала, музыка ребятам совсем не подходит. Вроде как церковная, музыка-то. – Хозяйка замолчала, повернулась к иконе, перекрестилась. – Вот и тогда перекрестилась. – Голос у нее треснул, женщина беззвучно заплакала.

– Александра Матвеевна, голубушка, не обессудьте, сядьте, пожалуйста, в кресло, – сказал Котов, хотел женщине помочь подняться, но она отстранилась, встала сама, выпрямилась, кивнула на стену, увешанную фотографиями.

– Я, сударь, своих сколько схоронила, мне грех свою слабость показывать.

Подошла к окну, кресло слегка передвинула, взяла бинокль.

– Так я сидела, на секунду на Божью Матерь взглянула. – Она указала на икону. – Перекрестилась трижды, повернулась к окну... А они летят. Он чуть впереди... Летят, и словно не люди, а игрушки сломанные...

Котов так ясно представил летящие «игрушки», что шумно выдохнул и глотнул уже остывшего чая.

– Молодые, им только жить... Они еще и не начинали. И чего им так плохо было?

– Считаете, сами... Никто не подтолкнул? – спросил Котов.

– Да кто же мог? Они же одни на крыше сидели. – Александра Матвеевна замолчала, отвернулась.

Котов молчал, чувствовал: хозяйка что-то вспоминает и хочет вспомнить.

– Одни, – не очень уверенно повторила Брикова, перекрестилась. – Надо же было мне в тот самый момент к богу повернуться. И крестилась трижды... Видно, черт попутал?

– Александра Матвеевна, может, видели кого? Тень мелькнула? Нам каждая малость важна. – Котов взглядом не сверлил, смотрел в сторону. – Если виноватый есть, его найти необходимо. Люди ведь погибли.

– Да что ты меня уговариваешь? – неожиданно вспылила хозяйка. – Я сама себе покоя не даю. Не знаю я! Вроде почудилось. Я же на несчастных глядела, только потом взгляд подняла, и вроде тень мелькнула. Там крыша плоская, а я снизу смотрю. Если у края человек стоит, его видно, а два шага отойдет – и пропадет. Года три тому рабочие там шурудили, я такой феномен и отметила. То человека видно, а чуть сдвинется – пропадет. Вот тебе крест!

– Да я вам верю, Александра Матвеевна. Вы валерьяночки выпейте, я схожу вниз, pošлю товарища на крышу, вернусь, мы вместе посмотрим.

Котов спустился, объяснил напарнику ситуацию, сказал:

– Лезь, а я из окна гляну.

Нестеренко кивнул, глянул на охранника, провел ладонью по лицу, вспомнил, что был полковником, и словно затвердел.

– Иди, Гриша, я там буду, – и пошел к калитке. – Сержант, как на крышу подняться? – Достал из кармана удостоверение, не развернул: частное сыскное агентство было у ментов не в почете.

Сержант на «ксиву» даже не глянул, кивнул:

– Я вас давно заметил, открыто держитесь, понял, снова «контора» вернулась. На крышу уже лазили, лазили... – Он махнул рукой. – Как туда подняться, не знаю, я тут стою. Вроде дом обойти требуется. В нем холуев хватает, подскажут.

– Спасибо. – Нестеренко прошел на заповедную территорию. В это время к воротам машина подошла, страж бросился открывать.

«Вольво» поравнялся с Нестеренко, остановился, шофер грубо спросил:

– И долго вы тут ходить будете?

– Пока не надоест. – Нестеренко сейчас был снова полковником. Он обошел машину, взглянул на номера.

– Работайте, работайте! – донесся низкий голос из-за тонированных стекол. – Платону Викторовичу поклон и искренние соболезнования.

– Спасибо. – Нестеренко глянул на водителя, который как-то сразу лицом одернулся, словно усох. – Служба, как на крышу подняться?

– Черным лифтом наверх, там покажут, – ответил шофер и поторопился уехать.

Котов с хозяйкой сидели у окна, увидели Нестеренко, который к самому краю не подошел, был виден по колено. Затем опер сделал шаг назад, исчез по пояс, еще шаг – торчала лишь голова, затем исчезла. Нестеренко появился снова, Котов махнул рукой, и напарник ушел. Появиться и исчезнуть можно было практически за секунду.

– Спасибо вам огромное, Александра Матвеевна. – Котов поцеловал хозяйке морщинистую руку. – Может, и напрасно я вас побеспокоил, время покажет. А тому человеку, что, разговаривая с вами, булку жевал, мы объясним, не беспокойтесь. Если вас из отделения беспокоить будут, покажите эту карточку, – и протянул хозяйке визитку Гурова. – Они сразу очень вежливыми станут. Понадобится – звоните, здоровья вам. – Котов раскланялся и вышел.

Глава 2

Группа собралась снова лишь в десять вечера. Котов и Нестеренко отписали рапорта, Гуров уложил их в папку не читая, хватило устного доклада.

– Верим мы в существование убийцы, не верим, разыскивать его обязаны, – сказал он. – Придется ходить по квартирам, говорить неизвестно о чем, и неприятностей у нас будет, мало не покажется. Завтра с утра ребята, – Гуров кивнул на Котова и Нестеренко, – начнут обход. Легенда – ищем рабочего, сантехника, электрика, другого мастера, который работал в эти дни.

– За решетку не пустят, а если пройдешь, начнется скандал, – ответил Нестеренко. – Дом наверняка охраняется ФСБ, им о моем визите уже доложили.

– Извините, Лев Иванович, но предлагаемая вами работа пустая, – вежливо сказал Станислав. – Если ребят столкнули, значит, имеется заказчик. Человек этой среды не станет обращаться к сантехнику. Хотя... – Он замолчал, поднял глаза на Гурова, увидел на лице старшего усмешку, но упрямо продолжал: – Согласен, предполагаемый убийца не может быть водопроводчиком, но рядиться будет под работающего, иначе ему на крыше делать нечего.

– Не хватает информации, – сказал Котов. – А домом пускай занимается контрразведка. Лев Иванович, у вас там друзья, это их работа.

– Думаю, они в курсе, даже наверняка. Но без приказа никто лишнего на горб не взвалит, – сказал Гуров, взглянул на часы, снял телефонную трубку, набрал номер начальника контрразведки генерал-лейтенанта Кулагина. Они приятельствовали давно, раньше служили в равных должностях и званиях. Кулагин ладил с начальством лучше и рос, Гуров застрял на месте. Но контрразведчик был человек умный, понимал: как был сыщик сильнее в розыском деле, так и остался, никакими звездочками положение не изменишь.

– Кулагин, – услышал Гуров и улыбнулся.

– Гуров беспокоит. Здравствуй, Паша. Сидишь? Взгляни на часы.

– Здравствуй, Лев Иванович, нынче темнеет поздно, – ответил Кулагин. – Меня предупредили, что ты на мою территорию залез.

– Места всем хватит, Павел, а неприятностей никто не ищет. Мы предполагаем, что в момент, когда ребята прыгнули с крыши, на ней находился еще один человек, – сказал Гуров. – Мы, естественно, начнем его разыскивать, переверошим дом, и по шее получишь ты лично.

– Хороший ты человек, за то и люблю. Считаешь, мне именно этого не хватает? – Кулагин вздохнул. – У меня по данному делу приказа нет. Я не сомневаюсь, завтра утром ты мне его обеспечишь. В таких делах твои ребята сильнее.

Гурова подмывало спросить: а в каких делах розыскники слабее? Но не спросил, тем более что подобные дела имелись.

– Я через верха ходить не люблю, – сказал Гуров. – И нашей с тобой власти хватит. Решай, как тебе лучше, целесообразнее. Дом курирует толковый парень?

– Нормальный. Хотя общение с высокими лицами человека портит.

– Это уж точно, – согласился Гуров. – Я потому мужик отличный, что из канализации не вылезаю.

– Ты отличный? – Кулагин рассмеялся. – Ну-ну, блажен, кто верует.

– Уж и пошутить нельзя. Паша, даю тебе сутки. Пусть твой опер посмотрит личные дела техперсонала, выяснит, не появился ли среди obsługi новый человек. Не приходили ли чинить антенну, и вообще, кто сегодня по крыше лазил. Выполнишь, я пожму твою мозолистую руку, нет, так через сутки тебе прикажут. Извини. – Гуров развел руками, прижав трубку плечом.

– Хороший ты мужик, Лев Иванович, прямой, уважаю. Я генерал-лейтенант, ты полковник ментовки, устанавливаешь мне сроки, условия...

– Павел Константинович, – перебил Гуров. – Я все делаю для пользы дела и стараюсь уберечь твое здоровье. Тебе было бы очень хорошо, подай я рапорт по инстанции, что нами выявлен подозреваемый?

– Ну отличный ты мужик! Отличный! Спи спокойно, не ворочайся. А ребята с крыши просто свалились. Ширнулись и полетели. Ты заключение медиков получил?

– Завтра, Паша, только завтра. Но ты своего парня намылишь сегодня. Договорились? Обнимаю.

Актриса театра и кино Мария Строева принадлежала к категории женщин, на которых в любой компании мужчины независимо от возраста и вероисповедания обращали внимание. Кроме внешности, жена Гурова обладала незаурядным умом и имела прекрасное образование. Последние свои качества Мария умело скрывала и врагов в актерской среде имела в умеренном количестве. Любовь к мужу ее порой раздражала, врожденный лидер не терпит рядом равных, а в некоторых вопросах и вышестоящих. Но сыщик не страдал комплексом неполноценности, легко уступал, супруги жили почти без стычек, чтобы не потерять форму, порой проводили легкие тренировочные бои. И хотя женщина отлично понимала, что муж часто играет в поддавки, сбрасывает втемную козырные карты, ее такое положение вполне устраивало.

Спектакли в театре еще не начались, но главреж репетировал новую пьесу, и сегодня Мария вышла из театра около десяти. Увидев «Мерседес» Станислава, актриса одновременно обрадовалась и расстроилась. Станислав славный мужик, с ним легко, можно молчать, он сам говорит без остановки, словно радио в парикмахерской. Но раз они приехали вместе, значит, у мужа свежие неприятности, к которым Мария хотя и привыкла, но сейчас была не в настроении на них реагировать.

Гуров выскочил из машины, дежурный полковник обреченно отошел в сторону, Мария взяла у мужа цветы, чмокнула, как покойника, в лоб, вошла в роскошный лимузин, опускаясь на сиденье, сказала:

– Мальчики, привет, спасибо за внимание. Кого сегодня убили? – Она поцеловала мужа, погладила Станислава по голове. – Извините, наш юмор не годится для вашей профессии.

– Маша, тебе отлично известно, что лучшее средство от головной боли – гильотина. – Станислав тронул с места, спросил: – В доме спиртное имеется или остановиться у палатки?

– Лучше остановиться, имею вино, которое переводить на ментов – все равно что заправлять машину «Шанелью». Но в палатке, Станислав, тебе дадут такое...

– Обижаете поклонников! – перебил Станислав. – Народ знает своих героев. Я заезжаю в палатку, как вы, мадам, входите в театр! – Он припарковался.

Из палатки мгновенно выскочил человек нерусской национальности, склонился к окошку водителя:

– Здравствуйте. Такой гость – большая радость для хозяина, – сказал он и зыркнул в сторону Марии.

– Парень, отрави их к чертовой матери! – сказала Мария. – Только не до смерти.

– Как можно, красавица? – Глаза у торговца стали еще больше и темнее. – Для гостей всегда имею натуральный продукт.

– Тогда бутылку «Смирновской», – сказал Станислав.

– Момент. – Хозяин исчез.

– Слова выучил. Чем же он простых людей поит?

– Он сам не делает, ему привозят. Но ящик нормальной водки у него всегда в загашнике. Над Ахметом смеяться – все равно что дергать мартышку за хвост. Она без хвоста по деревьям лазить не сможет, – философствовал Станислав. – Если он самопал не возьмет, его либо сожгут, либо вежливо из столицы выселят. Поставь русского, будет то же самое.

– Хуже, – заметил Гуров. – Русский еще воды добавит.

– На кой черт, спрашивается, нужны вы, с золотыми погонами, вооруженные до зубов? – возмутилась Мария.

– Чтобы пить нормальную водку, – быстро ответил Станислав.

Подбежал Ахмет, передал Станиславу большой сверток, быстро заговорил:

– Не обижай, начальник! Я знаю, с кого сколько полагается...

– Заткнись! – Станислав протянул хозяину сто рублей. – Я дома посчитаю, как довезу. Будешь спорить, я твою черную задницу надеру. Обещаю.

– Знаю, знаю! Зачем так? – Ахмет пробежал несколько шагов за машиной.

Дома Мария отправилась в ванную, оперативники занялись столом. Станислав, обладая феноменальной памятью, подсчитал стоимость пакета, который ему вручил Ахмет, решительно сказал:

– Это последний раз. Дорого, а я у него копейки не беру, завтра надо завезти долг.

– Ему, думаю, «крыша» нужна, возможно, с соплеменниками перессорился или его менты из отделения прихватили, – сказал Гуров.

– Беспредел. Москва большая, всем поможем. Я переключаюсь на универсам, – ответил Станислав.

– Черствый ты человек, Стас.

– Мягкости у тебя займу.

– Если у него занять, голый кремь останется, – входя на кухню, сказала Мария. – Ну, выкладывайте, бедолаги, чем могу помочь?

Гуров коротко, не называя имен, изложил историю.

– Никому не говорю, Маша, – закончил Гуров, – но от этой истории плохо пахнет.

– А ребята – дети олимпийских богов? – спросила Мария. – Безусловно. Иначе делом занимался бы участковый. Ищите наркотик. Утром езжайте в морг, возьмите кровь, сдайте втихую на анализ независимому эксперту. Иначе вы получите заключение, что в крови у него ничего, кроме божьего наследия, не обнаружено. Да сами вы все лучше меня знаете.

– Если не наркотик? – спросил Гуров.

– Тебе и карты в руки, ты сыщик. В сто раз хуже тебя разбираюсь, но чувствую женщину. У мужика рука грубее и точнее, здесь слишком много «если». Проверьте на всякий случай несчастную любовь. Беременность, невозможность брака. Я лично в такой вариант не верю. Как я понимаю, парень – «сынок»? Значит, на учете в психушнике не состоит. Проверяйте через друзей, лучше меня знаете, ваш хлеб. У меня есть интересная мысль, я ее пока придержу. Выдохнетесь, поговорим.

К столу даже не подошли, никто грамма не выпил.

Утром Станислав поехал в морг, а Гуров остался в кабинете. Котов и Нестеренко отправились в университет. Хотя занятия еще не начались, но оперативники рассчитывали найти кого-нибудь из преподавателей.

Гуров смотрел в окно, пытался заставить себя не думать о происшедшем, хотя бы до получения результатов экспертизы. Он боялся создать версию и попасть под ее влияние. Такое случилось, когда опер, уверовав в свое чутье, строил мостик, а потом не желал с него слезать, неумышленно подгоняя условия задачи к заготовленному ответу.

Можно сколько угодно заставлять себя о чем-то не думать, но мысли, хотя и наши, не очень нас же и слушаются.

Вопросы «кто?» и «кому выгодно?» сыщик убрал легко, а вот «каким образом?» – зудело в голове, словно назойливая муха.

Как парочка проникла на крышу и с какой целью? Романтика? Чувство одиночества? Магнитофон? Сыщик несколько раз прослушал кассету, он слабо разбирался в музыке, выяснил только, что звучат фуги Баха.

«Если самоубийство, то ничего не клеится. Ни способ, ни время суток, ни идиотский магнитофон. Можно понять – бутылка шампанского либо коньяка. Хоть как-то объяснимо. Но магнитофон? Возможно, данная музыка каким-то образом связана с судьбами ребят? А если это закодированный сигнал к действию? Кому опасны такие дети? Я прослушал запись несколько раз. Бах. Музыка невеселая, но и ничего угрожающего. Ненаучная фантастика. Хотя при современной технике?.. Надо проконсультироваться у профессионалов. Возможно, под крылом ФСБ существует какая-то хитрая лаборатория, исследующая воздействие звуковых волн на человеческий мозг. Какие-то исследования в данном вопросе ведутся наверняка.

Если убийство, то каким образом заманили на крышу? Главное, к чему такие сложности? Ежедневно убивают десятками, почти по-деревенски, колом или кирпичом. Более современно – пуля, нож, удавка, газ.

Все чепуха, должен быть простой, естественный ответ.

Пока я не узнаю, как жили ребята, что любили, что ненавидели, я с места не сдвинусь».

Зазвонил телефон, Гуров снял трубку, продолжая находиться в потустороннем мире.

– Можно полковника Гурова?

– Здравствуйте, Гуров слушает, – сказал сыщик.

– Здравствуйте, Лев Иванович, беспокоит полковник Кузькин. Ребята упали с крыши, а у тебя она поехала? Мне принесли результаты анализов девушки и парня. За вчерашний день истрепали все нервы. Кто только не звонил. Так у ребят все в норме, за исключением жизни. Никаких намеков на алкоголь или наркотик. Может, парень банку пива и выпил, но не более.

– Спасибо, Валера, – сказал Гуров, удивленный звонком начальника криминалистического управления. Обычно звонил секретарь, сообщал, что можно получить заключение. – Кто звонил, чем интересовался?

– Мне легче тебе перечислить людей, которые не звонили. – Полковник сытно хохотнул. – Интересовались погодой на Ямайке и прочими глупостями. Мальчик на сто процентов чистый. Анализ состава крови нормальный.

– А девочка?

– У нее на левой руке имеются три следа уколов, но старые, в крови ничего, – ответил Кузькин. – Ну все, успеха, у меня другой аппарат связи.

От звонка остался неприятный осадок. Не так уж они с начальником ЭКУ были близки, чтобы очень занятой человек сам звонил, когда и говорить-то нечего. И эти следы уколов у девушки? Что они сохраняются длительное время, Гуров не знал. Надо взглянуть на протокол осмотра тела, может, следы уколов зафиксированы при первичном осмотре? И полковник был вынужден о них упомянуть? Почему ему звонили? Кто? Стремятся замаять факт, что ребята были наркоманами? Не хотят газетной болтовни, что сын одного из крупнейших финансистов России покончил жизнь самоубийством? Стоит ли из-за этого поднимать такую волну?

Вновь зазвонил телефон, сыщик уже находился в реальном мире, снял трубку, сухо ответил:

– Гуров.

– Здравствуйте, Лев Иванович, вас беспокоит Сергей Платон Викторович, несчастный отец мальчика, которого сбросили с крыши.

– Примите мои самые искренние соболезнования, Платон Викторович, – ответил Гуров. – Мне необходимо с вами встретиться, но до похорон не хотел вас беспокоить.

– Антону уже все безразлично, а я хотел бы вас увидеть, задать некоторые вопросы, – Сергей говорил неуверенно, словно пьяный.

– Пожалуйста, Платон Викторович. Как вам удобнее, можете приехать ко мне, могу я подскочить к вам, – ответил Гуров.

– У вас строгое учреждение, если вы можете подъехать... Я пришлю за вами машину, – Сергей говорил медленно, не очень уверенно и связно.

- Машину мне дадут, – неизвестно почему слукавил Гуров. – Когда вам удобнее?
- Допустим, через часок. Адрес знаете? Вахту я предупрежу.
- Разыщу, и через вашу охрану как-нибудь просочимся, – ответил Гуров.
- Конечно-конечно, я не подумал, – бормотал Сергеев. – Жду.

Года два назад Гуров познакомился с крупным финансистом Юрием Карловичем Горстковым. У него случились неприятности с дочерью, начальство приказало, и Гуров с группой оказывал Горсткову помощь. Миллионер оказался добрейшим человеком, умницей, не имел ничего общего с представителями новой русской волны, обогатившимися неизвестными способами.

Сыщик не то что подружился с финансистом, но достаточно сблизился, однажды они с женой обедали у магната. Гуров разыскал его визитку и позвонил.

- Лев Иванович! Здравствуйте, куда пропали? – У Горсткова был густой уверенный голос.
- Здравствуйте, Юрий Карлович. Как здоровье? Как супруга? Дочка не вышла замуж?
- В пути, я в дамские вопросы не лезу. Чего не звоните? Заскочили бы на рюмку чая!
- Ну, Юрий Карлович, дорогой мой, вы человек неординарный, а разговариваете черт-те как!

– Обидеть не хотел, – поспешил сказать Горстков. – Я совершенно искренне.

– Я знаю, иначе бы и не звонил. Парадокс, но все говорят одни и те же слова. Куда пропал, почему не звонишь? Так ведь это я вам звоню, а не вы мне! Значит, и вопросы задавать должен я, а не вы. – Гуров рассмеялся, представляя, как магнат сопит, думает, сдвинув густые брови.

– Да, верно, – наконец произнес он. – Чертова жизнь. У меня тут небольшой юбилей состоялся, я вас и не пригласил. Позор. Ну, женщины, знаю, вы не любите слово «бабы», хотя они типичные бабы. Ладно, проехали. У меня дела, вы тоже не в шашки играете, потому мы не перезваниваемся. Хотя, когда меня припекло, я время находил, и мы с вами неоднократно виделись, беседовали. Я, так понимаю, зачем-то понадобился. Прошу, вечером подъезжайте, обсудим. Чем могу – с радостью.

– С удовольствием, Юрий Карлович, подъеду, не сегодня, так днями. Мне справочка нужна. Сергеев Платон Викторович из вашей команды? – спросил Гуров.

– Олигарх по-сегодняшнему, – сказал Горстков. – Ну, род занятий у нас, можно сказать, один – финансы. Личных отношений не поддерживаем, видимся редко, я для него пожилой старомодный человек, не более того.

– А он для вас? – спросил Гуров.

– Молодой... А вы не гибелью его сына интересуетесь? Впрочем, не такой он, Сергеев, и молодой, если сыну за двадцать. – Горстков помолчал. – Ничего о Сергееве, к сожалению, сказать не могу.

– Спасибо, что истратили на меня время.

– Лев Иванович, я вас жду, хозяйка будет рада.

– Скажите, Юрий Карлович, почему Сергееву надо, чтобы я дал заключение, что его сына убили, а не произошел несчастный случай? – спросил Гуров.

– Хочет выглядеть жертвой? – предположил магнат.

– Слабо, недостаточно, еще раз спасибо, в ближайшее время позвоню.

– Всего доброго, буду ждать, – ответил Горстков и положил трубку.

Он невысокого мнения о Сергееве, говорить не хочет, понял сыщик и отправился к генералу Орлову.

– Просил не беспокоить, но если нужно... – сказала Верочка.

– Пустяки, девочка, передай шефу, я поехал к Сергееву. Запиши, забудешь.

Гуров уперся бампером в ворота и не выходил из машины, пока охранник не открыл ворота, проехал на стоянку, вошел в центральный подъезд.

Молодой пенсионер, явно из спецслужб, срисовал Гурова профессиональным взглядом, спросил:

– К Платону Викторовичу?

Гуров придержал вахтера взглядом, недовольно сказал:

– Здороваться следует. Какая квартира?

– Извините. Пятый этаж, квартира четырнадцать, – быстро ответил охранник, подтянувшись, оправил пиджак, из-под которого выпирала кобура пистолета.

– Разгильдяй, – обронил Гуров и прошел к лифту.

Сыщик не любил отставников, которые пошли в услужение, просиживали штаны, листая газеты. По его мнению, опер должен и на пенсии оставаться опером, знающие люди были нужны, возьми Котова и Нестеренко. Но, если бог не дал, никто не даст, и этот мог служить где и кем угодно, спокойствие для него главное в жизни. Так чего тогда богатенькие плачут, что их стреляют. Сами воруют, делят, обманывают, охраняет их черт знает кто.

Сыщик только вышел из лифта, как одна из дверей открылась, на пороге стояла девушка в фартучке и наколочке.

– Здравствуйте, Лев Иванович, вас ждут. – Она склонила головку и посторонилась.

– Здравствуйте, – сухо ответил Гуров и вошел в огромную комнату-залу, вытер о ковер ноги, оглянувшись, не выдержал и сказал: – Здесь семью поселить можно.

– Были бедные, и были богатые, – неожиданно ответила служанка уверенным тоном. – Так было, так всегда будет.

Гуров резко повернулся, посмотрел девушке в глаза, оценил фигуру и ноги, неожиданно взял за плечи, поцеловал в щеку, сказал:

– Умница. Веди меня, иначе заблужусь.

– Хотелось бы мне вам пощечину отвесить, – сказала девушка и пошла вперед.

– Не посмеешь, – усмехнулся Гуров.

– Это почему же? – Они миновали одну комнату, свернули в другую.

– Потому что чувствуешь: поцеловали тебя не как служанку, а как красивую находчивую девушку.

– Но вы больше не рискуйте. – Она постучала в огромную резную дверь.

– Входите, я жду! – ответил мужской голос. Дверь открылась, и навстречу вышел кудрявый полный мужчина, примерно ровесник Гурова, протянул руку.

– Здравствуйте, спасибо, что выбрали время.

– Это моя работа, – сухо ответил Гуров, быстро оглядывая просторный кабинет, два окна, гобелены на стенах, массивную кожаную мебель. В открытом баре разнокалиберные бутылки, от хозяина не пахло, несло, как из подворотни.

– Лев Иванович, что налить? – спросил хозяин.

– Виски. Лед не обязательно. Сами, извините, пока воздержитесь. – Гуров интуитивно чувствовал, что разговаривать следует именно так.

– Хорошо. Я лишь символически. За Антона...

Сергеев налил в один стакан серьезно, в другой лишь капнул, перекрестился и выпил. Гуров выпил свой стакан залпом, как в подворотне, оставил, бросил в рот орешек, закурил, присел на подлокотник кресла, открыто оглядел хозяина. Одет был хозяин небрежно и некрасиво. А вот часы на нем были на ремешке и изящные.

– Вы словно оцениваете и осуждаете меня. – Сергеев криво усмехнулся.

– Так оно и есть. – Гуров взял со стола пепельницу.

– У меня горе. – Хозяин собрался всхлипнуть, но Гуров быстро сказал:

– Не надо. Я видел столько горя, вас утопить можно. Что означают бесчисленные звонки?

Что вы хотите услышать от меня?

– Звонки? – Хозяин растерялся. – Видимо, друзья возмущены. А если бы вашего сына средь бела дня сбросили с крыши?

Гуров молчал, покачивал ногой в сверкающем ботинке.

– Что вы молчите? – Истерика из голоса хозяина исчезла. – Или вы, как истинный милиционер, станете утверждать, что Антон упал? Произошел несчастный случай?

– Не буду, – ответил Гуров. – Почему вы говорите только о сыне? Была еще девушка.

Вопрос о девушке Сергеев проигнорировал, повысил голос:

– Человек упал с крыши. Это либо несчастный случай, либо убийство. Если не первое, которое вы сами отрицаете, значит, второе. Я не желаю, чтобы создавалась следственная бригада, которая годами разыскивала бы убийцу. Мне сказали, вы лучший сыщик России. Найдите убийц, я вас отблагодарю.

– Кто вам называл мое имя? – спросил Гуров.

– Не имеет значения, да я сейчас уже и не помню.

– Здравствуйте, – сказала вошедшая в комнату молодая элегантная женщина. – Платон, в подобном виде неприлично принимать гостей, тем более вести деловые разговоры.

– Моя жена и надсмотрщик, – усмехнулся хозяин. – Отзывается на кличку Лялек.

– Извините. – Хозяйка кивнула Гурову. – Минуточку. – Она жестко, чего трудно было ожидать от хрупкой женщины, взяла мужа под руку, вывела из кабинета, где-то хлопнула дверь.

Вскоре хозяйка вернулась, протянула руку, сказала:

– Здравствуйте, Лев Иванович, много о вас слышала. Меня зовут Вера Кузьминична. Извините, в трезвом состоянии он почти приличный человек, – в ее голосе чувствовалось превосходство, даже жалость. – Вот такая у нас беда. Как вы понимаете, я никак не могла быть матерью Тоши. Он мой пасынок, но я его любила и сейчас с удовольствием бы напилась, но возможности такой лишена.

Гуров кивнул, погасил сигарету.

– Считайте, что я все полагающиеся слова сказал. В моей работе смерть – дело довольно обыденное, я не хочу фальшивить. Бог меня простит. – Он достал сигареты, спросил: – При вас курят?

– И курят тоже. – Хозяйка горько улыбнулась. – При мне все можно, Лев Иванович. Абсолютно все! Мне ваше имя неоднократно называла Платиновая Вика, делайте выводы. Муж, естественно, не знает.

– Вика далеко не самая худшая женщина из тех, кого я знаю. Передайте ей поклон и мое недовольство рекомендацией. У меня очень много дел, Вера Кузьминична, и ваша история мне совершенно ни к чему.

– Я Платона уложила, заставила выпить валерьянки и таблетку родедорма. Он проспит до вечера. Пойдемте ко мне, не люблю эту комнату.

Гуров шел следом за хозяйкой, не обращая на окружающую обстановку внимания, думал о том, что жизнь действительно непредсказуема. Платиновая Вика, валютная проститутка, бывшая модель, агент Станислава. Официально не состояла в агентурной сети, подписку у нее не брали, дело не заводили, на учет не ставили, однако она, натура авантюрная, охотно сотрудничала с уголовным розыском. Девушке нравились Станислав и его начальник, льстило их уважительное отношение к ней, все в совокупности поднимало ее в собственных глазах. Она оказывала мелкие услуги, добывая некоторую информацию, а в двух серьезных делах просто сыграла главную роль. И вот жена магната Платона Сергеева оказалась подружкой Вики, со всеми вытекающими последствиями. Вера Кузьминична была моделью и проституткой, теперь замужняя дама.

Комната хозяйки оказалась небольшой, просто обставленной и уютной. Гуров с удовольствием сел в жесткое удобное кресло, облокотился на секретер, посмотрел на себя в зеркало, решил, что седина его не портит и он еще мужик вполне респектабельный.

– Хорош, хорош, девчонки наверняка заглядываются, – сказала хозяйка, перехватив взгляд сыщика. – Слышала, женаты на Строевой и образец нравственности.

– Давно вы замужем? – спросил Гуров.

– «Вы» обязательно?

– Обязательно, – ответил Гуров. – Жизнь это неоднократно доказывала.

– Я живу с Платоном третий год. Мужик он никакой, я ему нужна для престижа, – сказала Вера. – Ношу наряды и бриллианты, охмуряю партнеров, руковожу приемами, слежу, чтобы он меньше пил. Некоторые деловые вопросы решаю я, партнеры это знают.

– Пытаются затащить в койку, – добавил Гуров.

– Естественно, – она кивнула. – Но я, как и вы, стол с постелью не совмещаю.

– Как складывались ваши отношения с Антоном? – спросил Гуров и заметил, что женщина на мгновение смутилась. – Понятно, можете не отвечать.

– Да, я была виновата, но наши отношения продолжались лишь несколько месяцев, затем парень увлекся Аленой, и мы расстались друзьями. – Вера взглянула в сторону и без всякого перехода продолжала: – Вы интересный человек, Лев Иванович, прошли через такую роскошную квартиру и не обратили ни на что внимания. Я считала, люди вашей профессии должны быть внимательнее. Понимаете, муж соединил две четырехкомнатные квартиры, мы занимаем весь этаж.

Чем дальше хозяйка говорила, тем больше сыщик убеждался, что она лжет. «Вопрос в том, лжет она в большом или малом? Врет она или говорит правду, к странной смерти молодых людей иметь отношения не может. Дела семейные, достаточно грязные, однако для меня посторонние».

– А вы действительно очень привлекательный мужчина, в вас чувствуется потаенная незаурядная сила. – Вера подошла к встроенному в стенку бару. – Выпьете что-нибудь?

– Холодное и безалкогольное, – улыбнулся Гуров, решая, к чему был сказан комплимент. Просто так подобная женщина ничего не говорит. – Муж любил сына?

– Безусловно. – Вера налила в высокий бокал тоник, положила дольку лимона, себе смешала какой-то коктейль.

– Антон и Алена собирались пожениться? – Гуров принял от хозяйки бокал, кивнул благодарно.

– Все молодые собираются. – Она сморщила носик. – Девушка была горняшка, ребята ни с какой стороны не подходили друг другу.

– Горняшка? Интересная характеристика. – Гуров с удовольствием выпил. – А вы, извините, голубых кровей?

– Нет, но я прошла школу, мне скоро тридцать, я дорого стою, – самоуверенно ответила хозяйка. – Платон был категорически против этого брака. А уходить из замка в поденные работники, такое, знаете, не каждому дано. Вы бы съюзили, у Антона была кишка тонка.

– И он спрыгнул с крыши? – как можно равнодушнее спросил Гуров.

– Глупости! Он не мог сменить лампочку, боялся высоты, – сказала хозяйка.

– Так какого черта он полез на крышу? Сидел, целовался, слушал идиотскую музыку? Они сидели метрах в двух от края, но высота... Вы считаете, сбросить двух человек с крыши так уж просто? – спросил Гуров.

– Я ничего не считаю! И о кошмарах не думаю! – Вера повысила голос, глаза светились злостью. – Платона желает не иметь к смерти сына никакого отношения.

– А на самом деле отец имеет отношение? – спросил Гуров.

– Вам слово сказать нельзя, вы его тут же выворачиваете наизнанку. – Вера преобразилась, подтянулась, полная грудь поднялась, женщина дышала тяжело.

Гуров молчал, наблюдал с улыбкой; он своего добился: мадам сбросила масочку интеллигентности, перед сыщиком стояла разгневанная самка.

– Вы хорошеете, когда сердитесь, – заметил Гуров. – Так бросились ребята с крыши или их сбросили? Отец не желал брака, но это слабовато для такого страшного поступка. В доме были наркотики?

– Не забывайтесь, господин полковник! Платон пьян, производит впечатление слюнявой бабы. Вот он протрезвеет, и ваши погоны...

– Тихо-тихо, никогда не говорите слов, которые позже захочется проглотить, – перебил женщину Гуров. – Вопрос простой и обыденный, сейчас многие балуются. Дайте вашу левую руку.

Хозяйка отскочила, инстинктивно убрала руку за спину. Сыщик рассмеялся, спросил:

– Ради любопытства попробовали?

– Предпочитаю мужчин! – с вызовом ответила Вера.

– Антон предпочитал героин? – Гуров спросил так уверенно, словно знал точно.

– Редко, крайне редко. – Вера смешалась. – Я категорически ему запрещала. Да у него и тяги настоящей не было.

«Откуда ты, сучка, знаешь, если он увлекся девчонкой и больше в эту комнату не приходил?» – хотел спросить сыщик, но сказал другое:

– Мы знаем, экспертиза дала категорическое заключение, что Антон наркотиков не употреблял. – Сыщик решил отступить, нельзя форсировать больной вопрос и вызывать на себя гнев сильных мира сего. Он окинул хозяйку мужским оценивающим взглядом, заметил в глазах Веры торжество и покаялся: – Сам слабоват, чертова работа держит, словно узда. Да и жену, признаться, люблю, грешен.

Он точно знал, упоминание о любимой жене сильно охлаждает и обижает женщин. Красивая женщина не понимает, как в ее присутствии мужчина способен говорить о ком-то другом.

– Это прекрасно, что Антон к наркотикам не пристрастился, вы молодец, искренне рад за вас, – сказал Гуров. При необходимости он умел врать с такой искренностью, что сам начинал верить в свою ложь, и эта уверенность передавалась собеседнику.

– Мы с вами друзья, Лев Иванович, у меня от вас нет секретов..

– Друзья – это сильно сказано, однако польщен, – сыщик согласно кивнул. – Вера Кузьминична, не в службу, а в дружбу, покажите мне комнату Антона. Я прав на досмотр никаких не имею, однако любопытство.

– Пойдемте, хотя ваше равнодушие к нашему жилью оскорбительно. – Вера вышла из своего будуара, указала на фарфоровые бра. – Эти штуки Платон приобрел на каком-то аукционе за сумасшедшие деньги. Они выглядят современно, а сделаны китайцами в самом начале века.

– Вера Кузьминична, я узкий специалист, абсолютный профан в искусстве. Не понимаю ни живописи, ни музыки. Я разбираюсь на уровне нравится – не нравится, а Гоген это или Пикассо, мне без разницы. И если на картине у человека руки некрасивые, разного размера и цвета, меня это не восхищает, а удивляет. Мент, одним словом.

Вера остановилась в одной из комнат, указала на овальный стол, инкрустированный слоновой костью, стулья на гнутых ножках, шелковая обивка которых была расписана тончайшими узорами.

– Разве не красиво?

– Красиво, – согласился Гуров. – Даже очень красиво. Только на такой стул не сядешь, на стол ничего не поставишь, можно поцарапать.

– Мужлан.

– Грешен, герцогиня, но что выросло, то выросло, – ответил Гуров.

Комната Антона удивила сыщика. Она была словно из другой квартиры, и казалось, в ней жил не юноша, а хорошо обеспеченный офицер. Профессионально заправленная кровать,

правда широковатая для обычной, у окна письменный стол, жесткое полукресло, одна стена закрыта книжными полками, другая раздвижным шкафом. На столе скромный стаканчик с разовыми шариковыми ручками да небольшой портрет смеющейся девушки. Удивительный портрет, на губах улыбка, в глазах тоска.

– Она, – сказала Вера. – Двадцать лет, а не от мира сего. Монахиня.

– Вы преувеличиваете, – ответил сыщик, хотя был с хозяйкой согласен. – Можно? – Он указал на ящик стола.

– Да ради бога. Антон ничем не интересовался. Учился, в детстве мяч гонял, бросил.

В столе действительно лежали лишь тетради, учебники, томик Ницше «Так говорил Заратустра».

– Антон не был фашистом, – поспешно сказала Вера.

– Ницше тоже, – пробормотал Гуров, уже без разрешения открыл дверцу шкафа, мельком взглянул на висевшие на плечиках костюмы, стопки нераспечатанных рубашек, ряд темных, отлично начищенных туфель.

Из комнаты имелаась дверь в ванную, сыщик заглянул, зная, что поверхностный осмотр ничего не даст. Он почему-то был убежден, что в комнате имеется тайник, возможно, сейф. Комната была простой и открытой, Антон наверняка таким не был. Ордер на обыск не дадут, да и поздно его проводить, ненужное сразу убрали.

– Хорошо жил мальчик, да плохо умер, – сказал Гуров, выходя из комнаты, и неожиданно подумал, что не проверили кровь на СПИД. Может, Станислав добудет образец крови? Кого-то на Петровке быстренько купили. Но ведь анализы проводят несколько лаборантов. Элементарно, заменили кровь, и все дела.

– Обыск проводить вам не позволят, – уверенно произнесла Вера.

– А есть что искать? – усмехнулся Гуров.

– В любом доме что-нибудь да прячут, – ответила хозяйка.

– Возможно. Но данный вопрос в компетенции прокуратуры, я лишь разыскник, меня он не интересует, – ответил Гуров.

– Вчера заходила и прокуратура, в отличие от вас скромный, стесняющийся мужичонка в костюме фабрики «Большевичка» и несвежей рубашке. Так его дальше кабинета Платона и не пустили, – с вызовом сказала Вера.

«Гойда, скромный и стесняющийся, ты хорошо разбираешься в людях, умница, – подумал Гуров. – Если он почувствует криминал, то ты о костюме забудешь напрочь».

Он раскланялся, ручку целовать не стал, между прочим обронил, что непременно еще заглянет, и уехал.

Станислав сидел за своим столом, набычившись, перед ним лежал исписанный лист, видимо, рапорт.

– Тебя в морг не пустили? – спросил Гуров, снимая пиджак и закуривая.

– Впустили, но тела осмотреть не дали. Полагаю, что их там уже нет. Я драться с фээсбэшниками не стал, лица запомнил.

– Антон кололся героином, – сообщил Гуров.

– А ты откуда знаешь? – Станислав даже подпрыгнул.

– А ты? Докладывай. – Гуров уселся на свое место, подпер ладонью подбородок, раздумывая, что говорить Станиславу, а что пока придержать.

– На входе в морг меня тормознули, отправили к начальнику, который мне ласково сообщил: мол, в помещение занесен некий вирус, вход посторонним запрещен, персонал проходит специальную дезинфекционную обработку. И вообще, на кой черт козе баян, он лично в ближайшие сутки туда ни за какие коврижки ни ногой! Пошутил, мол, трупы не разбегутся, пересчитаны, пронумерованы, лежат в своих камерах спокойно. Я у него ради смеха спросил, чего

тогда парни с пистолетами их стерегут. Очкарик с седой бородкой мне серьезно ответил: стерегут не мертвецов, а вирусы, и таких, как я, любопытных гоняют. Ребята из КГБ, такие буквы дядечка не забыл, с ними лучше не связываться, а то в морг хоть и не пускают, а свободные камеры еще имеются. И ты знаешь, Лев Иванович, услышал я в его голосе некую угрозу или тоску по светлому прошлому, не поймешь. Нехороший дядечка, недобрый, – сказал Станислав.

Гуров понял, что друг далеко еще не закончил, закурил новую сигарету, терпеливо ждал.

– Ну, думаю, – продолжал Станислав, – коли ты непременно желаешь от меня что-то скрыть, то я твой секрет непременно узнаю. Он со мной сладко разговаривал, так я с ним еще слаще. Чуть к стулу не прилип. Карантин так карантин, говорю, оно и к лучшему, меньше мороки, быстрее домой попаду, расшаркался и на выход. Прикупил в ближайшей палатке несколько плиток шоколада, на пятьдесят рублей, между прочим.

– Оплатим. – Гуров вынул из сейфа конверт, достал из него пятьдесят рублей, переброесил на стол друга.

– Я вижу, ты, Лев Иванович, завелся. Это хорошо. Нянечка, сестра, другая сестра, разведывательные вопросы, улыбки, комплименты, и уперся я в очень сердитого доктора, как в стену. Гонит меня и гонит, я и с одного бока, и с другого, ни в какую. А когда я власть матюгнул, высказался, мол, нас на защиту закона поставили, а богатенькие тем законом подтираются, в глазах у доктора мысль появилась. Я ухватился, тяну. И образовалась такая картина.

Вчера около семнадцати прозекторскую заперли. Там главанатом, неизвестные в штатском. Все срочные вскрытия в другое место перенесли. Тишина. Охрана. Все притихли, ничего понять не могут. Так и не поняли. Утром стало известно, что главанатом, может, его по-другому называют, заболел, сел в свою машину, домой уехал. Затем, говорят, взял отпуск за свой счет, укатил в санаторий. Даже друзья не знают в какой. Главврач утверждает, что говорил с ним по телефону, имеет заявление, написанное собственноручно.

Мой врач, который все рассказал, в бешенстве, говорит, не тридцать седьмой, вскрытие провели незаконно, какие-то сроки не выдержали, не уточнял я, помалкивал да кивал. Позже узнаю, при вскрытии, кроме начальства, некий практикант-студент присутствовал. Он там вторую неделю ошивается, полы подтирает, инструмент моет, в общем, «шестерка». Так ему практику закрыли, нужные бумажки подписали, говорят, учись дальше, здесь под ногами не крутись. Тут, Лева, я и понял, вот мой шанс.

Заглянул в канцелярию, представился, взял книги, где этих практикантов регистрируют, имя его я уже знал, дальше дело несложной техники.

Хороший парнишка, в Измайлове живет. Он на радостях с утра принял, я его пивком угостил. Короче, видел он оба тела, множественные переломы и прочее. Главное, бедра у обоих исколоты, парень говорит, мол, наркоманы, слов нет. Ну, я парню объяснил, что он меня никогда не видел и лучше ему данную историю забыть, а пока до начала занятий куда-нибудь из Москвы умотать. Парень толковый, вопросов не задавал, собрался быстро, дружку позвонил, я его до метро подбросил.

– Беспредел, – сказал Гуров и матерно выругался. – Чтобы газеты не муслякали, что сын олигарха, который лицо, приближенное к императору, наркоман и дошел до того, что с крыши нырнул, такую фантасмагорию устроили.

Оперативники долго молчали. Затем Гуров рассказал о своем визите и закончил:

– Мы сработали неплохо, но вперед не продвинулись.

– Как не продвинулись? – возмутился Станислав. – Сколько наркоманов ежедневно в Москве кончают с собой?

– А кто установил, что они прыгнули добровольно? – спросил Гуров. – Ломки у них не было, сидели спокойно. И хотя мадам Сергеева не самая лучшая женщина, которую я видел, в одном я ей верю: Антон не дошел до полной зависимости от наркотиков, он был человек

наполовину свободный. И свою комнату он убирал сам, никакая горничная так заправлять кровать не станет. Наркоманы? Безусловно. Но это не конец истории, только начало.

– Пойдем к Петру, к генерал-полковнику, у них звезды на плечах больше и оклады выше. Вот пусть они и решают.

– Я подумаю, – ответил Гуров.

– Если ты плохо подумаешь, я пойду один. Ты, Лев Иванович, среди людей живешь, обязан с ними считаться.

Гуров взглянул удивленно, ничего не ответил и снял трубку зазвонившего телефона. Докладывал Нестеренко. Ни в университете, ни в школе, где училась Алена Васильева, ничего интересного. Каникулы. Был у нее дома, мать сущая ведьма, не пустила в дом, разговаривала через цепочку. Прежде чем захлопнуть дверь, женщина крикнула: «Ее бог наказал». У Котова в служебной «Волге» телефона не было, но, если бы он хоть что-нибудь раскопал, позвонил бы обязательно.

Гуров ни слова не сказал Станиславу, что его имя произнесла Вика и головной болью они обязаны собственному агенту. И о знакомстве Вики с мадам Сергеевой тоже ничего не сказал, он лишь между прочим спросил:

– Ты давно видел Платиновую?

– С месяц, но разговаривал с ней по телефону два дня назад. Она в порядке, если нужно, можно подключить. – Станислав точно знал: Гуров никогда просто так ничего не спрашивает.

– Назначь ей встречу, я хочу с ней увидеться, – сказал Гуров. – Без тебя.

– Вообще-то не положено, господин полковник, – ответил Станислав. – Но если вы желаете...

– Не говори глупости, и я желаю.

– На конспиративной квартире или у нее дома? – Станислав отлично понимал, шеф взбесился от того, что он, Крячко, занял противоположную позицию.

– Где ей удобнее и когда удобнее, но не позднее завтрашнего дня, – ответил Гуров.

– Обычная история, старшие братья не замечают, как младшие растут. Выяснив столь прискорбный факт, они очень удивляются. – Станислав тяжело вздохнул. – Но за стаканом воды или за бутылкой ты можешь послать меня и сегодня.

– Я могу послать тебя значительно дальше, дорогой. – Гуров встал. – А сейчас мы идем к Петру.

Генерал, как обычно, сидя в кресле без пиджака, быстро писал. Кивнув офицерам, недовольно забурчал, махнул на них короткопалой рукой, мол, устраивайтесь и ждите.

Гуров достал сигареты, пошел к окну, встал у открытой форточки, Станислав занял свой стул. Вскоре Орлов бросил ручку, закрыл папку, сцепив пальцы, хрустнул ими, сказал:

– Поругались. Добро. Мужики должны цапаться, иначе мышцы одрябнут. На вас, господа, много жалоб. Особенно на тебя, Стас. Ты чего в морге безобразничаешь? Другого места не нашел? А вы, великий сыщик, подловили человека в нетрезвом виде, куражитесь, самовольно проводите досмотр квартиры.

– Если на оперов не жалуются, значит, они не работают, – изрек Станислав.

Гуров, как обычно, промолчал. Стас видел, шеф сильно не в духе, поэтому, когда Орлов, сняв трубку прямого телефона, сказал: «Алексей Алексеевич, вы просили к себе Гурова, мы собираемся к вам втроем. Не возражаете?» – Он взглянул на часы, сказал: «Успеем», – и поднялся.

Станислав вновь глянул на резко очерченные скулы Гурова и заметил:

– Лев Иванович неважно себя чувствует, ему лучше к заместителю министра не ходить.

Все трое слишком давно знали друг друга, не только понимали с полуслова, а отмечали любую интонацию. Тот факт, что Крячко высказался по вопросу, который его не касается,

назвал Бодрашова по должности, означало, что Гуров закусил удила и его не надо показывать руководству.

Орлов оглядел Гурова, хмыкнул неодобрительно, косо глянул на Крячко и сказал:

– Нас ждут немедленно. Кто ищет, тот всегда найдет. Стас, твой шеф парень уже взрослый, – и первым вышел из кабинета.

– Петр Николаевич, пиджак! – Верочка догнала сыщиков в коридоре, протянула Орлову его пиджак.

– Довели старика, – бормотал Орлов, надевая пиджак на ходу. – Скоро к министру в кальсонах явлюсь.

Секретарша Бодрашова распахнула двери и громко сказала:

– Алексей Алексеевич, напоминаю, у вас только тридцать минут.

Генерал-полковник, тоже без мундира, расхаживал по кабинету, и по дыханию Бодрашова Гуров определил, что куратор только что делал гимнастику.

– Здравствуйте, рассаживайтесь. Сегодня курить нельзя, жду гостей, – быстро говорил хозяин. – О жалобах на вас расскажет позже Петр Николаевич. Лев Иванович, у вас имеются конкретные результаты?

– Можно полагать, что погибшие употребляли наркотик. Однако собой владели, в момент падения ломки не ощущали, находились в спокойном состоянии.

– Точно или можно полагать? – спросил генерал.

– Заключение экспертизы отрицательное. Я лично располагаю иными сведениями, – ответил Гуров.

– Коррупция? – резко спросил Бодрашов. – Дали взятку?

– Это вряд ли, господин генерал-полковник. Просто дали на анализ чужую кровь, – сказал Гуров.

– Ваши выводы?

– Отец и мать способствовали, что недоказуемо. Но фактически ребят довели до самоубийства, и наркотик в деле не главное. Работу следует продолжать. – Гуров сделал короткую паузу и закончил: – Необходимо работать.

– А что мне докладывать? – Бодрашов прищурился.

– Я знаю только то, что мне докладывать...

– Чушь! – перебил Гурова заместитель министра. – Докладывают, имея факты. Вы же, полковник, высказали немотивированные предположения. Если я повторю ваши слова наверху, меня сочтут дураком.

– Зато мы докажем, что не марионетки...

– Вы ничего никому не докажете! По вашей же просьбе сотрудниками ФСБ задержан человек, который находился в тот момент на крыше. Он не дал признательных показаний, но факт – он там находился.

– Наворовавший миллиарды жулик боится, что общество узнает, что его сын был наркоманом и покончил жизнь самоубийством...

– Полковник, замолчите! Вы же не в пивной, где принято распространять досужие сплетни. – Бодрашов неожиданно успокоился, надел мундир, сел в кресло. – У всех нервы, надеюсь, и разум тоже у всех. Полковник Крячко, раз вы пришли, значит, у вас иная точка зрения. Слушаю.

– Господин генерал-полковник, я сегодня убедился, что мы имеем дело с людьми малопорядочными. Но так как на сегодняшний день мы доказательствами не располагаем и добыть их нам не дадут, считаю разумным пойти на компромисс. Свидетеля, которого разыскивали наши коллеги, Лев Иванович подсказал генерал-лейтенанту Кулагину в приватном разговоре. Мы его заберем к себе, прокуратура допросит и установит, что человек видел, как молодые люди сидели у самого края крыши. Возможно, поднимаясь, они поскользнулись и сорвались вниз.

Никаких наркотиков, магнат и его друзья успокоятся, для газет это не материал, – закончил Станислав.

– А ваши подвиги в морге? – Бодрашов начал внимательно рассматривать карандаш.

– Трудно что-либо доказать. Имеется один свидетель, мальчик, на которого надавят, он все слова забудет. И, господа, извините за высокопарный слог, сегодня, когда Россия не может выяснить, в штанах она или без штанов, нужен еще один грязный скандал? – Станислав развел руками. – Я не предлагаю забыть и простить, я предлагаю Льву Ивановичу лишь выждать, погасить волну, позже разобраться.

– Понял. Петр Николаевич, слушаю. – Бодрашов отбросил карандаш.

– У меня имеется своя точка зрения, но хотел бы воздержаться, – ответил Орлов.

– Петр Николаевич, вопрос слишком принципиальный, – возразил хозяин и посмотрел на часы. – Сейчас явятся иностранные журналисты, я хочу быть честным перед собой и перед ними.

– Фактического материала так мало, что быть абсолютно честным не составит труда. Факт события действительно имеет место. Разыскали свидетеля, роль которого в происшедшем не установлена. Спросят о наркотиках, так в прокуратуре находится официальное заключение, любопытные могут ознакомиться. Причина падения прорабатывается. Недавно над городом пронесся ураган, возможен внезапный порыв ветра. Кто скажет, что невозможно? Ты? – Генерал уперся пальцем в грудь Гурова. – Нет, ты скажи вслух, чтобы оставшиеся годы не смотрел на меня, как на падлу! Простите, Алексей Алексеевич.

– Я это слово однажды уже слышал, – улыбнулся хозяин.

– Лева, так возможен порыв ветра или невозможен?

– Возможен, – Гуров пожал плечами.

– Далее. Возможны иные варианты. По делу работают лучшие сыщики главка под руководством генерал-лейтенанта Орлова. Старший группы – старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Гуров. Кто может сказать лучше, пусть скажет.

– Лев Иванович, если удастся выявить преступников, они понесут наказание?

– На такие вопросы, Алексей Алексеевич, отвечает суд, – сказал Гуров.

– Господа офицеры, спасибо, все свободны, – сказал заместитель министра.

В приемной толпился народ, когда сыщики проходили, кто-то сказал:

– Вот он, Гуров.

Крячко быстро закрыл дверь в приемную и тихо произнес:

– Ты не прав, Лев Иванович, не на все вопросы отвечает суд.

Глава 3

В этот вечер Мария была по-особенному красива. В простеньком приталенном длинном платье, как позже Гуров выяснил, от Версаче, как всегда на высоких каблуках, волосы подняты вверх, обнажая длинную точеную шею, она расхаживала по квартире и зло говорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.